

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

АЛЬПИЙСКАЯ ОХОТА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Альпийская охота / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243662-8

Май 1945 года. Советская разведка разыскивает скрытую в Альпах секретную лабораторию известного кибернетика Отто Клаусена, создавшего для гитлеровцев уникальную систему машинного шифрования. Известно, что Клаусен ведет переговоры с американцами, предлагая свои труды в обмен на новую жизнь. Этого допустить нельзя: военные разработки и их автор должны быть захвачены или уничтожены. Первая группа советских поисковиков бесследно пропала в горах. Берия приказывает послать по следу кибернетика разведчиков Максима Шелестова. Бойцы сливаются с отступающей немецкой воинской частью и движутся к границе, где скрывается Клаусен. Шелестов еще не знает, что его группе предстоит вступить в схватку с головорезами сразу нескольких вражеских разведок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243662-8 © Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

10 мая 1945 года в Берлине не пахло весной. Пахло тлением, пылью и пеплом. Воздух, густой и тяжелый, был пропитан сладковатой, приторной нотой разложения, которая перемешивалась с едкой гарью, запахом мокрого обгоревшего кирпича и холодного железа. Особая оперативная группа Главного управления госбезопасности НКВД СССР под командованием подполковника Шелестова прибыла в Берлин во второй половине дня. Офицеры хорошо понимали, что увидят город значительно разрушенным после страшных боев. Но особенно потрясен был Михаил Сосновский, который работал в Берлине до войны. И сейчас столица Третьего рейха была больше похожа не на город, а на руины.

Там, где должна быть улица, сейчас оставались лишь развалины: обрушенные стены, из которых торчали скрюченные балки. Расчищенная на скорую руку брусчатка под ногами была усыпана осколками стекла, поблескивающими как слезы,

и мелкой кирпичной крошкой. Фасады, еще сохранившие следы бывшего величия — лепнина, карнизы, — были испещрены шрамами от пуль и осколков. Сквозь развороченные снарядами оконные проемы хоть как-то уцелевших стен на людей смотрела темными глазницами мертвая пустота.

Всюду царила неестественная, оглушительная тишина, нарушаемая лишь скрипом смещающихся обломков, редкими криками саперов и далеким приглушенным стуком, который производили рабочие, проводя восстановительные работы. Дважды оперативники видели очередь из стариков, женщин и детей с тарелками, котелками и обычными кастрюльками возле солдатских полевых кухонь, выставленных прямо в развалинах. Немцы! Они стояли у походных кухонь русских солдат-победителей и получали тарелку супа. А в глазах... У кого-то пустота, у кого-то мольба и отчаяние. Оперативники шли по улицам поверженного Берлина, и никак не верилось им в то, что стоит такая тишина.

Но эта тишина была обманчива. Она как будто была густо населена призраками. В ней слышалось эхо недавней ярости: рев залпов «катюш», лязг гусениц, грохот разрывов снарядов, непрекращающаяся стрельба автоматов и пулеметов и предсмертные крики. Эти звуки будто впитали в себя сами камни.

Иногда ветер, пробираясь сквозь развалины, поднимал с земли серую пыль и пепел. Он шелестел обугленными страницами книг, каким-то тряпьем, разбросанным по развалинам, трепал ключья дорогих обоев, свисавших с обнаженных стен. Среди щебня лежали немые останки чьей-то оборвавшейся жизни: фарфоровая кукла с отбитым лицом, разбитый патефон, раскрытая Библия. И среди этого всеобщего разрушения особенно зловещими казались уцелевшие здания фашистского правопорядка. Массивные, почти невредимые здания министерств, банков, штаб-квартир гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе. Их тяжелые, непроницаемые фасады холодно и высокомерно взирали на окружающее разрушение. За их толстыми стенами еще как будто дышал другой мир: запах воска, кожи и старой бумаги. Бесконечные коридоры, пустые сейфы с зияющими дверцами, аккуратные горы пепла в каминах — следы лихорадочного уничтожения улик.

— Ну, вот и все, — тихо сказал Сосновский, остановившись посреди улицы, усыпанной битым кирпичом, толстым слоем пыли и стреляных гильз. — А я ведь помню Берлин совершенно другим.

— Фашистским? — хмуро осведомился Коган, глядя на советских солдат, которые вместе с сани-

тарными командами временных местных органов власти выносили из развалин найденные тела.

— Ты знаешь, Боря, — задумчиво ответил Со-сновский, — нацисты — это группа людей, пусть очень большая группа людей, которая запудрила мозги целому народу. А ведь в истории этого народа были и светлые эпохи, это целый пласт европейской культуры. Я верю в возрождение прежней Германии без нацистов, без идеологии расового превосходства.

— Ну, вот прежде чем начнется это возрождение, — усмехнулся Шелестов, — мы должны приложить все усилия, чтобы переловить главных виновников мировой трагедии под названием Вторая мировая война. Наш народ вынес на своих плечах всю тяжесть этой войны, и у нас есть право проследить, как будет возрождаться Германия... Виктор, ты слышал репортаж из Москвы о праздничном салюте?

— Да, — кивнул Буторин и, не сдержавшись, улыбнулся. — Знаете, за эти страшные годы мы так привыкли к голосу Левитана, который извещал нас о потерянных городах, а потом о наступлении Красной армии. И мы невольно оценивали, сколько еще жизней наших солдат положено ради вот этого дня. А тут его сообщение о подписании Акта о безоговорочной капитуляции и о том, что

война окончена. Окончена! Более долгожданного слова у нас никто и не знает.

И Буторин стал рассказывать о репортаже, который слушал по радио здесь, в Берлине. О том, как ликовали москвичи на вечерних улицах города, в котором отменили правила светомаскировки. Только с 29 апреля в Москве снова засияли вечерами окна домов, улицы снова заливались огнем фонарей. Рассказывал о празднике, о слезах радости на глазах людей. И о салюте из 30 артиллерийских залпов тысячи орудий. О том, что он сопровождался перекрестными лучами из 160 прожекторов и пуском разноцветных ракет.

Он говорил, а мимо шли беженцы с тележками, велосипедами, ковыляли старики по развалинам в поисках чего-то, что еще может послужить, а что-то можно будет обменять на еду. И снова полевые кухни, которые кормили местное население, оставшееся без власти, без надежды, скованное страхом перед возможной карой за содеянное. Четверо оперативников, прибывших в Берлин, чтобы участвовать в розыске нацистских главарей, шли по разрушенному городу и никак не могли поверить, что война окончена. И то, что произошло дальше, по большому счету никого не удивило. Этого следовало ожидать, и к этому нужно быть готовым каждую минуту,

несмотря на мирное небо над головой и подписанный акт о капитуляции.

Детский крик заставил четверых советских офицеров остановиться и повернуться в сторону трехэтажного здания, наполовину разрушенного. Именно в его целой половине, где сохранилась часть крыши и даже лестничные марши и перегородки, что-то происходило. Шелестов первым не задумываясь бросился на шум, выхватив из кобуры пистолет. Оперативники поспешили за командиром, озираясь по сторонам и спотыкаясь о битый кирпич. Сначала они увидели худенькую бледную девочку лет шести или семи с коротко стриженными, давно не мытыми волосами. Платье ее было порвано на плече, чулки сползли с худеньких коленок. Ребенок лежал среди камней и поломанной мебели и рыдал, невнятно выкрикивая какие-то слова по-немецки.

Что тут произошло, стало ясно почти сразу. В темном углу разрушенного коридора на кирпичах сидел подросток в черной запыленной форме гитлерюгенда¹. Даже его волосы были в пыли, а на ногах стоптанные, явно с чужой ноги ботинки с порванными и грубо связанными узлами шнур-

---

¹ Гитлерюгенд (нем. Hitlerjugend — гитлеровская молодежь). Нацистская молодежная организация в гитлеровской Германии.

ками. Паренек жадно ел из котелка прямо рукой, обжигаясь и давясь. Рядом на камнях лежал автомат. Было понятно, что этот мальчишка только что отобрал котелок с едой у девочки. А она ведь его несла кому-то. Судя по всему, тому, кто сам не мог идти к полевой кухне русских солдат.

Увидев русских, мальчишка весь собрался в комок, сжался, глядя на офицеров не столько с ненавистью, сколько с ужасом. Немец вдруг выронил котелок и схватил автомат. Оперативники бросились в разные стороны, пытаясь укрыться от пуль за стенами. И тут же вдогонку им ударила длинная автоматная очередь. Коган прыгнул в укрытие последним, задержав взгляд на несчастной девочке. Эта заминка едва не стоила Борису жизни — одна пуля едва не чиркнула его по погону, а вторая сбила с головы фуражку. Падая, Коган отполз в сторону и попытался понять, кто же из его товарищей ближе всего к девочке.

Шелестов и Сосновский были рядом, когда немецкий мальчишка открыл по ним огонь. Максим машинально взвел курок пистолета, прикидывая расстояние до ближайшего разбитого дверного проема. Если проскочить туда, то удастся зажать этого дурака с двух сторон. И тогда можно или заставить его сложить оружие, или ликвидировать. Учитывая ситуацию, они имели на это

полное право. Но Сосновский схватил командира за рукав гимнастерки, удерживая за грудой битого кирпича, и крикнул по-немецки:

— Прекрати стрелять, брось оружие!

— Не возьмете! — истерично крикнул мальчишка. — Хайль Гитлер!

— Ах ты, щенок, — зарычал Шелестов, и тут новая очередь прошла по верху груды кирпича возле его головы, заставляя снова сползти вниз и не выставлять голову.

— Подожди, — снова дернул командира за рукав Сосновский и закричал парню: — Дурак, ты никому не нужен! Твой Гитлер застрелился, вермахт капитулировал. Брось автомат и иди домой к матери!

— Врете, врете! — кричал мальчишка, продолжая стрелять короткими очередями.

И вдруг его автомат замолчал, как будто захлебнулся. И сразу же в той стороне, где немец только что стрелял, прижимаясь спиной к стене, раздался какой-то шум, посыпался мусор и осколки кирпича. Сосновский и Шелестов переглянулись и бросились вперед, разделившись так, чтобы дистанция между ними была хотя бы метра три. Но стрельбы больше не было, а в полумраке пыльного угла развалин происходила какая-то возня. Короткий возглас, кто-то тонко

вскрикнул от боли, а потом раздался недовольный голос Буторина:

— Ах ты, волчонок! Зубы-то какие крепкие...

Автомат валялся в стороне на кирпичах, под сапог попался немецкий армейский штык, а потом Буторин встряхнул за шиворот и поставил на ноги отчаянно сопротивляющегося паренька. Одна руки Виктора сжимала воротник куртки мальчишки, а вторая — запястье его правой руки. Шелестов и Сосновский подошли, засовывая свои пистолеты в кобуры на ремне. Немец сник и перестал дергаться. В тишине развалин слышно было только, как он яростно шмыгает носом.

— Можете убить меня, — прошипел мальчик по-немецки.

— Ты так хочешь умереть? — спросил мальчика Сосновский. — А кто страну восстанавливать будет, кто будет заботиться о немцах, кто их накормит? Фюрер ваш застрелился, его подручные разбежались, и остались только такие, как ты, женщины и старики. Ты хоть понимаешь свою ответственность перед страной? Не стрелять надо, а кормить, одевать, строить!

Мальчишка поднял недоуменный взгляд на русского офицера, который так хорошо говорил по-немецки, как настоящий уроженец Берлина. А потом его взгляд устремился куда-то между

русскими. И тогда мальчишка нахмурился еще больше. Оперативники обернулись и увидели, что Коган ведет к ним за руку ту самую девочку, чей крик привлек их внимание. Борис подвел плачущую девочку, поднял с камней котелок, из которого содержимое вылилось на строительный мусор, а потом поднес его к самому лицу мальчишки.

— Кто так поступает? — спросил Коган по-немецки. — Немецкий юноша, который хочет защищать свой народ? Или так поступают варвары, которые напали на цивилизованную страну? Кто отнимает еду у ребенка? Ты? И кто ты после этого? Кому она несла котелок с супом?

— Дедушке... — прошептала девочка и, неожиданно повернувшись, уткнулась лицом в гимнастерку Когана и заревела снова.

Это было так удивительно, с таким доверием к сильному человеку, просто к тому, кто сейчас мог помочь, кто пожалел в безвыходной ситуации, для кого ее беда, ее горе было разрешимо. И мальчишка, который только что стрелял в русских, в тех, кто захватил его город, убивал немцев, вдруг увидел совершенно другую картину. Они не убили его самого в ответ на стрельбу из автомата, они пожалели девочку, они сейчас смотрели строго и ругали его, как это когда-то делал его

школьный учитель. И все это уже не было похоже на войну. Куда-то далеко улетели эхом призывы доктора Геббельса из радиоприемников, грохот артиллерии, лязг танковых гусениц на улицах столицы, визгливый голос наставника его группы в гитлерюгенде. Всего этого уже не было, и почему-то даже не особенно верилось, что все это было. Просто этому мальчику всю его жизнь втолковывали о расовом превосходстве немцев, а потом две недели страшных боев — и его ненависть выплеснулась в эти автоматные очереди. Но перед ним были дяденьки, которые ругали его и стыдили, а потом пожалели немецкую девочку. А он отнял у нее суп. Хотя клялся защищать таких, как она. Помутившийся разум вдруг стал проясняться. И он снова стал тем самым мальчишкой-школьником, а взрослые так и остались взрослыми людьми, которые всё решали, за все отвечали и делали этот мир таким, каким он им был нужен. А он мальчишка, и больше ничего.

Он шел, спотыкаясь. И когда русские вывели его на улицу и посадили на камни, тот самый черноволосый вернулся к кухне, и ему налили снова котелок супа. И потом русские потащили его вместе с девочкой куда-то в развалины. И там в доме без стены, на кровати они нашли старика. Беспомощного, с трясущимися руками и слезящимися

глазами. И русские заставляли его смотреть, как эта девочка, хлюпая носом и шепча какие-то добрые и нежные слова, кормила дедушку с ложки и вытирала платком ему подбородок. Мальчик смотрел, как девочка, пытаясь выразить благодарность, приседала в книксене и все тараторила слова благодарности господам офицерам. А когда ее стали расспрашивать, она снова расплакалась и рассказала, что отец ее не вернулся с фронта, а мама пропала во время бомбежки. И она осталась одна с дедушкой и кормила его, пока не кончились продукты. А потом она пошла искать еду и увидела кухню и немцев, которым наливали суп, и ей налили. Ей даже дали для этого свой котелок чужие солдаты. Шелестов смотрел на этого немецкого парня и физически ощущал, как у того в голове переворачивается мировоззрение в связи с тем, что он увидел. Орды дикарей, которые придут и будут все уничтожать, убивать, насиловать, грабить, пожирать детей, плясать на костях немцев, вдруг превратились в нормальных людей. Да, строгих, но понимающих, что такое человечность, уставших от войны, но готовых и дальше сражаться за свои идеалы, ради своих целей, за свой народ. А вот немцы... такие, как вот этот паренек, они тут были лишними, они были тенью прежнего страшного мира, его страшного конца.

— Что за мальчишка?

Майор Крапивин из городской комендатуры встречал группу на аэродроме, помогал устроиться. Сейчас, увидев Шелестова и его товарищей на камнях неподалеку от полевой кухни, он остановил мотоцикл и подошел к оперативникам.

— Знакомая публика? — спросил Шелестов.

— Да, пока еще встречаются, приходится вылавливать. Фанатики.

— Пороть их надо, — буркнул Буторин, — как у нас пороли во все времена. Теперь уже поздно.

— А мне кажется, что этот многое уже понял, — покачал Коган головой. — В каком-то смысле он уже сам себя выпорот бессонными ночами и горячим стыдом.

Крапивин смотрел на немецкого парня, как тот смотрит на город, на немцев: и тех, кто помогает расчищать улицы, и тех, кто стоит в очереди за пищей, как он опускает голову и кусает губы. Явно не то ожидал увидеть этот паренек после прихода Красной армии. И майор из комендатуры решил за всех. Он повернулся и крикнул по-немецки:

— Густав! Подойдите сюда, пожалуйста!

От группы немцев, грузивших обломки бревен на машину, отделился высокий пожилой человек в длинном черном пальто и с седыми кай-